

Иероним Иеронимович Ясинский

Пожар

Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931) — русский писатель, журналист, поэт, литературный критик, переводчик, драматург, издатель и мемуарист.

Содержание

#1	0005
Статьи и комментарии	0044

Пожар (Очерк)

Кремнев встал с легкой болью в голове. Это был человек атлетического сложения, с огромной черной бородой, волнисто сбегаящей на грудь. Боль в голове заставила его подумать, что он давно не был на охоте. Он приказал кучеру запрячь лошадей и, увидев жену с заспанным лицом, вышедшую из детской, проговорил:

— Хочу рассеяться. Кровь, должно быть, застоялась.

Жена посмотрела на мужа равнодушным взглядом.

— Поезжай, — сказала она. — Ночью сгорело чье-то сено. Ты бы, Сергей Иванович, посмотрел, не...

— Нет, не наше, — прервал жену Сергей Иванович. — Это стоги отца Митрофана. Наше сено с другой стороны. А впрочем... Семен! — крикнул он — Так ты говоришь, что поповское сено сгорело?

— Поповское. А то чье же? — ответил кучер с козел по направлению к открытому окну в доме, где беседовал с женою Сергей Иванович.

— Вот видишь! — с улыбкой произнес Сер-

гей Иванович и надел на свою большую стриженую голову маленький кожаный, сильно потертый картузик. Через плечо он повесил нитяную сумку, взял двустволку с зеленою истрепаншеюся перевязью и, тяжело поскрипывая охотничьими сапогами, вышел на крыльцо и сел в свою бричку.

— Цитра, ісі!

Сеттер, весь дрожа своим благородным телом, с радостным лаем вскочил в бричку и поместился у ног хозяина, волнуясь и тыкая холодным носом в руку Сергея Ивановича,

— Куш, дура! Лида, а Лида! — закричал Сергей Иванович жене, которая выбежала на крыльцо в ночной кофте и коротенькой красной юбке, плотно облегавшей круглое тело. — Послушай, Лида, придут от Хаима за маслом, так ты не продавай дешевле 30 копеек. Теперь масло стало дороже. А яйца, — крикнул он, когда лошадь тронула экипаж и пошла к раскрытым настежь воротам, — совсем не продавай! Яйца станут скоро дороже... Стой, Семен, придержи лошадь! Лида! Придут из управы за ассигновкой, так скажи, чтобы подождали. Общественных денег я никому не

могу доверить. А картофель пошли Плюхаревым. Они просили мешочек нашего картофеля. Мы с ними потом, сочтемся. Пошел! Стой! Ваньке больше трех копеек в школу на завтрак не отпускай! Ты его балуешь!

Что-то еще хотел сказать распорядительный и хозяйственный Сергей Иванович, но лошадь выехала, наконец, из ворот, потому что ей не стоялось, да и Семену надоело слушать крик барина. Сергей Иванович махнул рукой, поплотнее уселся в бричке, завернулся в полотняную накидку, походившую и на плащ, и на халат, и скоро очутился за чертой уездного города, где протекла его сорокалетняя жизнь, где он добился и независимого состояния, и видного положения — он был председателем земской управы — и где ему суждено будет сложить на старинном мирном кладбище свои кости. Конечно, это случится еще нескоро — Сергей Иванович проживет еще лет сорок. Он по крайней мере был в этом уверен.

Неопределенная, тупая боль головы сосредоточилась в правой половине ее. "Должно быть, сейчас и совсем пройдет", — подумал

Сергей Иванович.

Лошадь бежала мерной рысцой, какую бегают сытые и откормленные хозяйские лошади. Пыль поднималась по обеим сторонам брички от быстро вертящихся колес; белая, как снег, шелковистая Цитра лежала неподвижно у ног Сергея Ивановича, но не переставала дрожать, обнюхивая по временам ложе двустволки. Солнце еще невысоко стояло над землею, небо было ясное, безоблачное, синего, василькового цвета. Рожь начинала белеть — почти поспела. На горизонте кругом виднелись темные массы лесов, похожие на растянувшиеся низкие тучи. Дорога вилась проселочная, и Сергей Иванович вскоре увидел луг с кучами пепла, уже переставшего дымиться и лежавшего, на том месте, где еще так недавно гордо возвышались стоги прошлогоднего сена отца Митрофана.

— Нарочно сожгли, — предположил Семен, закурив трубку. — Поскупился батюшка, не продал по осени — вот теперь и шабаш.

— Ты думаешь — нарочно? — спросил Сергей Иванович.

У него сено тоже не продано с прошлого го-

да и, значит, его сену может угрожать та же участь, потому что кто-нибудь, очевидно, заинтересован в уничтожении запасов сена, может быть, с целью поднять цены.

"Завтра же продам Хаиму сено", — мысленно рассуждал Сергей Иванович.

Вот потянулись сенокосы соседей Сергея Ивановича, а вон и его собственный сенокос. Слава богу, огромные стога его стоят целы и невредимы, а свежескошенное сено собрано уже во множество маленьких копен. С лица Сергея Ивановича сошла тень заботы и опасения.

Кончились луга. Высокие деревья — сосны и дубы — возвышались там и сям, может быть, на месте некогда бывшего густого леса. Теперь здесь расстилалось огромное кочковатое болото, заросшее явором и всякого рода болотной травой.

Сергей Иванович велел Семену остановиться под тенью раскидистого дуба и отправился бродить с ружьем и собакой по кочкам болота. Цитра часто делала стойку, вытягивая хвост трубой и поднимая лапу. Дичи было пропасть. Бекасы то и дело взлетали наверх с

красивым фырканием, от которого у Сергея Ивановича сладко ныло сердце; но никогда еще Сергей Иванович так дурно не стрелял. Он считался вообще очень хорошим стрелком, который даром заряда не выпустит и убивает наверняка. Сегодня что-то странное произошло с Сергеем Ивановичем. У него дрожали руки, и он не совсем твердо стоял на ногах. Ему было очень неприятно, что он так безобразно пуделяет, да еще при свидетелях, потому что не только Семен мог осудить хозяйина за его промахи, но и Цитра, несомненно кое-что смекающая в охоте. Недаром она вела себя сначала так сдержанно и обдуманно, а потом вдруг стала горячиться и как бы в насмешку над охотником начала гоняться за стрекозами и мотыльками. Сергей Иванович не мог долго ходить. Ничего не убив, он вернулся к брочке. Он страшно устал, и ему захотелось полежать.

— Семен, скверное это болото.

— Чем же скверное, помилуйте.

— Да тем скверное... Цитра, дура! Ты забыла стойку, дрянная псица. Не замечаешь, Семен, не дрожит у меня голова?

— Помилуйте, Сергей Иванович, чего же ей дрожать?

— Ну, так это мне так кажется... Скажи, Семен, продешевили мы масло?

— Нет, Сергей Иванович.

— А неужели и мое сено спалят?

— Есть такие народы, Сергей Иванович!

Сергей Иванович предался некоторой задумчивости. Он выпил две рюмки водки и закусил хлебом. Боль, которую он чувствовал в правой половине головы, как будто на время прошла, но зато Сергей Иванович чересчур скоро охмелел. Он разостлал на земле свою полотняную одежду и моментально заснул. Семен сидел поодаль от барина, глядел на болото бессмысленным взглядом и, растянув рот, насвистывал сквозь зубы польку. Цитра улеглась под бричку и тоже заснула.

Сергею Ивановичу неожиданно приснился мрачный сон. Он приходит в управу, а там сидит в его кресте покойный Зозуленко, его предместник, и глаз у него нет, так что страшно смотреть.

— Что с вами?

— Да вот, как видите, умер.

— Помилуйте, это вам так кажется! Вы человек еще молодой, и у вас шесть человек детей — вам нужно для них пожить.

— Неправда, шесть человек у вас, а не у меня.

— Ванька ваш сын? — спрашивает Сергей Иванович.

— То-то и есть, что Ванька ваш сын.

— Неужели мой сын?

— В таком случае, позвольте вас спросить, Сергей Иванович, — с странной и, по-видимому, непоколебимо логической последовательностью вопрошает покойный Зозуленко: — Почему вы продаете масло и сколько у вас в погребах всех яиц? Я уверен, что у вас около миллиона яиц. Домните, когда вы были студентом, у вас была радикальная точка зрения на все это?..

Зозуленко смеется, встает и, прихрамывая, почти приседая до самого пола, быстро и развязно выходит из управы. Сергей Иванович с недоумением и тайным страхом смотрит ему вслед и вдруг догадывается, что Зозуленко намерен поджечь его сено. Он бежит за ним и в ужасе кричит: "Держи его, лови его!" Но Зозу-

ленко все чаще и чаще хромает, и хитрый торжествующий смех вырывается-по временам из его груди. Сергей Иванович выбился из сил, упал и, обливаясь холодным потом, проснулся.

Солнце поднялось уже высоко. Сергей Иванович полежал на спине, хотел отстранить сучок, надавивший ему правую половину головы и, машинально протянув к нему руку, не нашел никакого сучка. Он подумал, что это представилось ему спросонья, вскочил, зевнул и произнес, держась рукой за лоб:

— А что, Семен, не поедем ли мы домой?

— А стрелять не хотите больше?

— Нет, не хочу. Тебе, Семен, снятся сны?

Днем снятся?

— Зачем? Бог милостив.

Сергей Иванович рассмеялся. Во время смеха боль в голове стала приметнее.

— Да, да, запоздали мы с сеном, — озабоченно произнес Сергей Иванович, как бы в пояснение виденного им во сне происшествия.

К обеду он возвратился в город. Жена спросила его:

— Как ты себя чувствуешь?

— Да, пожалуй, лучше, — ответил он.

— Ну и слава богу. А я масло продала.

— Почему?

— По тридцать две копейки.

Сергей Иванович улыбнулся и взял жену за ее жирный, двухъярусный подбородок.

— Ты у меня молодец! — сказал он, окидывая взглядом пышные формы своей подруги, одетой теперь в широкую ситцевую блузу. — Из управы не присылали?

— Приходил Шаповалов. Я ответила ему, как ты приказал. Он обещал еще раз прийти. Будем обедать? А?

— А что же! Отчего не пообедать, ежели пора.

— Из той дичи, которую ты настрелял, можно было бы сделать жаркое, — произнесла жена с усмешкой.

— Да, я не понимаю... ни одного удачного выстрела! И жарко же! Мне хотелось бы окрошки со льдом.

— Я так знала, что ты захочешь окрошку, и велела приготовить...

Беседа супругов прервалась здесь отчаян-

ным криком подравшихся детей. Лидия Фадеевна побежала на крик, а Сергей Иванович направился в свой кабинет. Так называл он маленькую комнатку с просиженным кожаным диваном, с коллекцией ружей на стене и с книжным шкафиком, наполненным переплетенными в дешевые зеленые переплеты книжками "Вестника Европы" и "Трудами археологической комиссии". На его письменном столе стоял фаянсовый чернильный прибор и лежали управские сметы и бумаги. Простенок между окнами над письменным столом был занят медными крючками со всевозможными на них записками и заметками, в углу кабинета, там, где обыкновенно висят образа, не было ничего. Сергей Иванович считал себя сыном своего века и слегка не признавал того, что считал устаревшим и обреченным на постепенное забвение.

Он освободился от охотничьих сапог, надел широкие синие шаровары и красную кумачовую рубаху с косым воротом и в этом костюме, босой, вышел в столовую. Прибежали дети, и младшие, несмотря на свои еще мокрые от недавних слез глаза, смело бросились

к отцу на шею, а старшие остановились поодаль. Ванька, мальчик лет двенадцати, застенчиво смотрел на отца^

— Дубина! В кого он такой вырос? — заметил отец с тайной лаской в голосе.

Мальчик потупился.

Вошла Лидия Фадеевна, покрасневшая от возни с ребятишками.

— Сергей Иванович, отчего ты такой бледный? — с некоторым беспокойством спросила Лидия Фадеевна.

— Я? Просто устал. Детвора! У меня от вашего крика разболелась голова. Вот умру — пожалеете тогда, да поздно!

Он рассмеялся и стал есть окрошку с обычным своим богатырским аппетитом. Жене не понравилось, что муж говорит детям о смерти; но она промолчала и, бросив еще взгляд на мужа, успокоилась и тоже принялась за трапезу.

— Хороша окрошка, но сегодня отдает медью, — заметил Сергей Иванович.

— Бог с тобой, Сергей Иванович! — возразила Лидия Фадеевна. — Я совсем не слышу меди. Не ешь, если не нравится.

Сергей Иванович засмеялся и сказал:

— Я своего нигде не люблю упускать. А это, должно быть, раки пахнут медью. Надо, мой друг, отдать лудильщику кастрюли, — заметил он с серьезным видом. — Медью можно отравиться.

Лидия Фадеевна огорчилась. Ни ей, ни детям не казалось, что окрошка отдает медью.

— Ты привередничаешь, — произнесла она, опустив глаза.

В комнату, где обедала семья Кремневых, вошел Шаповалов, член управы, товарищ по службе Сергея Ивановича. Он протянул еще на пороге обе руки Сергею Ивановичу, обтянутые серыми матерчатыми перчатками с зелеными шелковыми нашивками на их тыльной части.

— А, вы вернулись? Ну и слава богу, что так скоро! — начал член управы. — Без вас мы волками были.

— Знаю, знаю! Завтра все будет сделано.

— Садитесь с нами обедать! — пригласила Лидия Фадеевна. Шаповалов считался щеголем и модником. Он снял перчатку с правой руки и занял место за столом, указанное ему

хозяйкой.

— Кушайте окрошку: превосходная окрошка! — сказал Сергей Иванович, скрывая от гостя, что окрошка имеет медный привкус.

Гость выпил водки и стал есть окрошку.

— Что нового у нас в управе? — спросил председатель. — Писцы все были?

— Жалованья ожидали, разумеется, всё пришли.

— Не мешает их проучить... народ лентяй... только и делают, что садят за Сулу кашу варить да пьянствуют.

— Много убили дичи; Сергей Иванович?

— Ох, не спрашивайте! Осрамился! Сделал десять промахов!

— Да что вы! — вскричал Шаповалов с особенным сочувствием в дрогнувшем голосе. — Может ли это быть? Вы, и вдруг десять промахов? Позвольте мне удостовериться, своими ли собственными ушами слышу я это?

— Не сомневайтесь, Павел Викентьевич! Был грех!

— Вы как будто бледны; — произнес Павел Викентьевич, с новым участливым испугом взглядываясь в Сергея Ивановича. — Здоровы

ли вы? — продолжал он, будучи, однако, в душе убежден, что Кремнев здоров.

— Здоров, — сказал Сергей Иванович и махнул рукой, как бы желая этим жестом выразить, что ему остается еще жить лет сорок.

— А ежели нездоровится, — продолжал сочувствовать Шаповалов, — так вы бы лучше в начале болезнь захватили. Право, не следует запускаться! Пригласите Сорзона.

— Зачем? Я не верю в медицину. Я никогда еще в своей жизни не был болен. Послушайте, вы взяли, кажется, кость... А Сорзон — шарлатан.

— Все же доктор. ...

— Сергей Иванович, право, ты бледен, — робко сказала Лидия Фадеевна, вскидывая на мужа свои бесстрастные светлые глаза.

Сергей Иванович задергал бороду; его рассердил этот непрерывный разговор об его здоровье и, кроме того, он почувствовал такую сильную боль где-то — он не мог определить, где именно, — что у него потемнело в глазах и холодный пот выступил на лбу. Он мгновенно потерял аппетит и ел теперь машинально. Ему не хотелось верить, что он болен,

и он решил не обращать внимания на болезнь, если только она есть.

После обеда он дал поцеловать детям свою руку и пошел с гостем в кабинет.

Тот вынул из кармана список с фамилиями управских чиновников. Против одной фамилии был поставлен крест красным карандашом. Чиновник, носивший ее, забрал вперед все жалованье и находился в страшной нужде. Он редко являлся на службу, и Шаповалов, исходя из того мнения, что служба не богадельня, предлагал Кремневу совсем удалить неисправного и бедного чиновника. На его место ему хотелось определить своего родственника. Кремнев хитро улыбнулся, и сначала у него мелькнуло желание не удалять чиновника. Но, взвесив услуги, оказанные ему на выборах Шаповаловым, он согласился с ним. Покончив деловой разговор, земцы закурили папиросы и стали толковать о достоинствах настоящего турецкого табака. Шаповалов закинул, голову на спинку просиженного дивана и лениво пускал дым в потолок. Он потому еще смотрел в потолок, что ему не хотелось видеть белые ноги Сергея

Ивановича, которого он мысленно уже несколько раз назвал за это свиньей. А Сергей Иванович сел на диван, как назло, с ногами рядом с Шаповаловым. Он дрожал от боли, которая опять схватила его. Он думал, что вот-вот сейчас боль прекратится, но боль все усиливалась. Она походила на ту боль, которую он много лет тому назад испытал, надорвавшись под тяжестью жернова. Тогда все в ужас пришли от его силы, а он и виду не подал, что ему больно. Несколько дней потом помучился и выздоровел. Но отчего же теперь эта боль? Он ничего тяжелого не поднимал, весь месяц вел правильную трезвую жизнь, каждый день гулял, не обременяя себя делами. Он разозлился на боль и решил терпеть. Но боль возрастала с каждой секундой, она разливалась по его жилам, и ему показалось, что Шаповалов мешает ему освободиться от этой нестерпимой боли. Может быть, стоит только лечь во всю длину дивана, и боль пройдет. Какой ненавистный человек этот Шаповалов!

Однако он вежливо и тихо сказал ему, держа свою волнистую черную бороду:

— Послушайте, Павел Викентьевич!

— Что?

Сергею Ивановичу было стыдно сказать: "Уйдите". Бледный, как смерть, напряженно улыбаясь, смотрел он на Шаповалова, который продолжал пускать дым в потолок.

Но тут вошла Лидия Фадеевна с бутылкой наливки и двумя стаканами. Она испугалась, взглянув на мужа. Торопливо поставила она на письменный стол бутылку и стаканы и бросилась к Сергею Ивановичу с криком:

— Сережа!

От этого крика вскочил гость и с недоумением посмотрел на Кремнева.

— Что с вами? — спросил он.

Сергей Иванович хотел еще раз улыбнуться, но не мог. Судорога исказила его губы, и он простонал:

— Мне дурно!

Лидия Фадеевна мигом выбежала из кабинета и послала за докторами. Потом она вернулась и, опустившись на колени, обняла ноги мужа.

— Сережа! Сережа! — шептала она, устремляя на мужа безумно-испуганный взгляд, но,

при встрече с его взглядом, стараясь улыбнуться ему той милой улыбкой, какую она улыбалась ему пятнадцать лет назад.

Шаповалов, увидев, что дело принимает серьезный оборот, побледнел, молча вышел из кабинета, взял свою шляпу и исчез. По дороге он зашел в бакалейный магазин и рассказал находившейся там публике, что с Сергеем Ивановичем случилось что-то недоброе. Весть о внезапной смерти Сергея Ивановича разнеслась по городу с быстротою молнии, а он был еще жив, и два доктора, Сорзон и Поликопенко, суетились в кабинете Кремнева.

— Ой, дурно! Дурно мне! — все повторял Сергей Иванович и метался по дивану.

Иногда он пробовал вставать, но ноги подкашивались под ним, и он хватался за спинку кресла, за стол, за людей, за что попало. Жена не уходила из комнаты, и ее обрюзгое, обыкновенно сонное, невыразительное лицо теперь преобразилось от ужаса и тоски страшного ожидания. Она была убеждена, что перед нею совершается что-то роковое. Первый раз видела она мужа больным, и ей казалось, что это и последний раз. Дети не знали, что тво-

рится с отцом. Они беспечно бегали по двору, и по временам в окно слышался их резвый и веселый крик.

Поликопенко, насупив брови, ждал мушки, за которую он послал в аптеку, а пока велел больному глотать лед. Лидия Фадеевна выбирала маленькие прозрачные льдинки и нежно вталкивала их в уста к мужу. Боль усилилась до того, что Сергей Иванович не мог уже глотать, а только стонал. Ему хотелось бы закричать страшным криком, но он сдерживал себя. Он побелел, как бумага.

Сорзон, еврей, пользовавшийся славой опытного врача, глядел на больного сквозь толстые золотые очки, высоко подняв седые косматые брови и собрав лоб в морщины. Он не дал никакого совета. Он не знал, чем болен пациент, но ему казалось, что он слышит запах какой-то особенной тонкой испарины, которую ему приходилось наблюдать всегда перед кончиной. Он сидел неподвижно в кресле и слегка только вздрагивали широкие ноздри его длинного крючковатого носа, да рот его был полураскрыт от напряженного внимания. "Вот-вот сейчас умрет", — думал Сорзон,

чувствуя свое бессилие помочь страдальцу.

Из аптеки принесли мушку. Поликопенко разорвал кумачную рубашку на Сергее Ивановиче и обнажил его спину. Она была покрыта почти сплошь густыми волосами.

— Надо выбрить площадку для мушки, — произнес Сорзон, не трогаясь с места.

— Ой, дурно, мне дурно! — опять закричал Сергей Иванович.

Лидия Фадеевна побежала за бритвой к Игнату. Поликопенко стал сбривать волосы со спины Сергея Ивановича. В это время Сорзон почувствовал, что странный запах смерти стал еще заметнее. Сорзон приподнялся с кресла, подошел к больному, взял его за пульс и смотрел ему в лицо. На этом широком скуластом лице не было ни одной точки, которая бы не трепетала. Но вдруг лицо словно погасло, щеки опустились, раскрылся рот и вывалился язык. Сергей Иванович перестал стонать и только захрипел.

Сорзон вполголоса сказал что-то по латыни Поликопенко, и тот положил бритву в сторону и опустил глаза, вздохнув. Отчаянный крик вырвался из груди Лидии Фадеевны.

Слезы градом полились из ее глаз.

— Умер! — вскричала она. — Сережа, милый мой! Сережа, родной мой!

— Успокойтесь, мадам, — сказал Сорзон, продолжая держать за пульс Сергея Ивановича. — Теперь ясно, что с ним апоплексия. Прежде бросали кровь, — сказал он по латыни Поликопенко. — Но какого мнения об этом обстоятельстве молодая медицина?

Поликопенко кое-как понял Сорзона и сказал Лидии Фадеевне с растерянным видом:

— Мы сделаем ему сейчас же искусственное дыхание. Уйдите — его надо раздеть.

— Я не хочу уходить, не нужно уходить! — вскричала Лидия Фадеевна, и в глазах ее сверкнул луч надежды.

Безжизненное тело Сергея Ивановича было положено на диван, и Поликопенко, двигая рукой покойника и надавливая ему живот под ложечкой, старался призвать его к жизни. Но жизнь отлетела. Сорзон вышел, сел на свою лошадь и уехал. Поликопенко скоро устал и, убедившись в несомненной смерти Сергея Ивановича и в невозможности воскресить его, решил тоже уйти.

— Доктор, неужели нет никакой надежды? — спросила Лидия Фадеевна, поворачивая к Поликопенко заплаканное лицо.

Поликопенко чуть-чуть пожал плечами и произнес:

— Кто бы мог ожидать... Сергей Иванович был такой здоровый и крепкий человек!

Слово "был", сказанное о человеке, который всего полчаса тому назад еще жил и который был так близок Лидии Фадеевне, заставило ее содрогнуться от ужаса и безграничного отчаяния.

— Что делать! — проговорил доктор и еще хотел сказать что-нибудь утешительное в том же роде, но почувствовал, что все его фразы покажутся бессмысленными и пустыми.

— Неужели же умер? — спросила Кремнева, веря и вместе не веря в этот внезапный и нелепый исход деятельной и хлопотливой жизни всегда здорового и бодрого Сергея Ивановича. — Но может быть, доктор, еще надо искусственное дыхание?..

Он опять пожал плечами.

— Нет, — произнес он. — Вам, Лидия Фадеевна, надо примириться со свершившимся

фактом.

В ответ она громко застонала и припала к мужу. Дети узнали, наконец, что отец умер. Они бросили игры и с плачем и воем вбежали в кабинет. Поликопенко вышел из комнаты умершего в том удрученном состоянии духа, которое так знакомо врачам, хотя их часто и упрекают в бесчувственности. Стыд и досада и ужас перед смертью волновали его. Семен без шапки стоял у окна, глядел на барина и плакал.

— Уходите, дети! Папа еще жив... вот сейчас...

Дети ушли. Она стала раскачивать Сергея Ивановича на диване, то поднимая, то опуская его руку, как делал Поликопенко. Кровь показалась у него из носу. Лидия Фадеевна обтирала ее своим носовым платком. Вдруг она увидела тусклые глаза мужа, неопределенно смотревшие из-под полуоткрытых ресниц. Она закричала от нестерпимой душевной боли. Надежда погасла в ее сердце, она убедилась, что муж умер — умер навсегда, что никакими чарами нельзя уж воскресить его к жизни. Тусклый взгляд мертвых глаз Сергея

Ивановича впился в ее душу — она не выдержала боли и лишилась чувств.

Через два часа тело Сергея Ивановича было омыто при помощи Семена и старичка, жившего во дворе и платившего Кремневым за свою конуру два рубля в месяц. На том самом столе, за которым он обедал сегодня в последний раз, был положен Сергей Иванович. Лидия Фадеевна, оправившись от обморока, усталая и убитая горем, молча суетилась возле покойника и сама поправила подушку, чтобы ему было удобнее лежать. Плач и всхлипыванья детей нарушали тишину, воцарившуюся в доме. Зеркала — их, впрочем, было немного — Лидия Фадеевна занавесила простынями. Она сделала все то, что делала ее мать, когда умер отец Лидии Фадеевны. Была найдена запыленная иконка и повешена в углу залы над покойником. Пришел хорошенький белокурый дьячок и принес закапанную воском книгу.

Знакомые дамы собрались мало-помалу, сначала соседки, потом соседки соседок. Они подходили к покойнику, кланялись ему и утешали Лидию Фадеевну, как могли. Они увели

ее из зала, где лежал Сергей Иванович. Они припадали к ее плечу и всхлипывали — кто притворно, кто искренно. Нашлась такая барыня, которая даже хотела рассмешить ее, рассказав ей какой-то анекдот. Лидия Фадеевна ничего не поняла, но дети, слушая анекдот, стали улыбаться.

Вечерело. Солнце закатилось уже за дома, и его красный свет проникал слабыми, нежаркими лучами в залу и играл на стульях, захватив собою белокурые волосы дьячка и парчовую ткань, которую был до половины покрыт Кремнев. Было душно в комнате. Гробовщик пришел уже совсем сумерками. Он был худой и дряхлый человек, с отвисающей от старости челюстью. Окинув мертвеца привычным взглядом, гробовщик снял с него мерку и исчез, перекинувшись несколькими словами с Семеном и старичком, жившим во дворе.

Дамам удалось, наконец, увести с собою Лидию Фадеевну. Придя к соседке, Лидия Фадеевна принудила себя выпить у ней чашку чая. Женская натура взяла свое. Слезы перестали навертываться ей на глаза, и она нача-

ла рассказывать все мельчайшие подробности сегодняшнего дня. Она рассказала, как умер Сергей Иванович. Она даже представила, как у него вдруг потухли глаза и раскрылся рот. Некоторое время она, окончив рассказ, сидела неподвижная и безмолвная, с широко раскрытыми и в одну точку устремленными глазами. Но вдруг рыдания потрясли ее, и она громко заплакала. Дамы еще раз бросились утешать ее и еще раз приложили к своим глазам носовые платки.

Они были добры и приютили у себя детей Кремневых на ночь. Но Лидия Фадеевна не захотела ночевать у чужих людей, и сын соседки, высокий юноша-гимназист, проводил ее до ворот ее дома.

Ночь была теплая, синяя, звезды, дрожа, горели по всему небосклону. Так ярко и так чудно горели они, что, казалось, земля летит к ним, все летит, а они все далеки и холодны, и недостижимо прекрасны — никогда земле не приблизиться к ним, как бы ни тянулась она к небесам...

— Благодарю вас, голубчик, — промолвила Лидия Фадеевна, подавая гимназисту руку.

Он шаркнул по пыли ногой и стремительно направился назад, так как боялся мертвецов. Лидия Фадеевна опять взглянула на звезды.

"Неправда, будто там есть что-то! — подумала она. — Неужели туда идет душа? Какая душа? Если б я верила, что встречу с ним там, я бы слезы не проронила".

Она заплакала и перестала смотреть на звезды.

В окне брезжил свет восковых свеч и монотонно читал псалтирь белокурый дьячок.

Лидия Фадеевна вошла в комнату, в которой лежал покойник, и почти не узнала Сергея Ивановича. Огромная черная борода его словно выросла и покоилась на запавшей груди, плотно приныкая к ней. Усы насунулись и закрыли нижнюю губу. Нос заострился, глаза далеко ушли в орбиты. Лицо приняло выражение, какого при жизни некогда не имело. Сергей Иванович как будто улыбался — неподвижной, вдумчивой улыбкой.

Лидия Фадеевна поцеловала его холодную плоскую руку и, перекрестившись, ушла в кабинет и долго сидела там при свете керосино-

вой лампы, смягченном молочным стеклянным абажуром. Вся жизнь с Сергеем Ивановичем припомнилась ей. Пока он был жив, она не думала, что так горячо любит его. В уме ее возникли картины прошлого — вспомнилась ей первая встреча с Кремневым на студенческом балу в Киеве, куда Лидия Фадеевна только что вернулась из-за границы с своей младшей сестрой и братом-радикалом, адъютантом Гарибальди. Какое это было счастливое и светлое время! Но вот Сергей Иванович по окончании университета приехал к ним в деревню и, погостив две недели, сделал предложение Лидии Фадеевне; это случилось во время прогулки верхом. Была сыграна свадьба, и, боже, как отплясывали на ней все соседи и соседки! Даже гарибальдиец вальсировал. Началась счастливая супружеская жизнь. Пошли дети. Сергей Иванович работал для них. Супруг и супруга стали донельзя бережливы и расчетливы, чтобы обеспечить свою старость и обеспечить детей. Но Сергей Иванович остался верен преданиям своей молодости. Он посвятил свою жизнь земству. Разве он не был другом народа, разве не враждовал

он с исправником и духовенством? Он никому не был должен в своей жизни, потому что считал взять деньги займы и не отдать грехом хуже воровства. Ни разу не изменил он жене, хотя в принципе он был против брака.

Ей стало горько; отчаяние опять охватило ее. Казалось, вот-вот войдет в комнату Сергей Иванович и заговорит с ней. Ей представился знакомый огонек его глаз, и она видела его улыбку. "Что, если обернусь, а он стоит живой" — спрашивала она себя, оборачивалась и вздрагивала... Никого не было. По-прежнему тишина царила в доме, и среди нее сонное чтение дьячка раздавалось с зловецим и томительным однообразием.

Заснуть было нельзя. Как огромная туча, подползло горе и прогоняет сны от Лидии Фадеевны. Она уже оцепенела, все ее тело охватила усталость, но трудно забыться, ни на минуту не покидает измученного мозга мысль, что Сергея Ивановича уже нет и что вместе с ним умерла лучшая часть жизни Лидии Фадеевны. Существовал человек, который знал ее еще девушкой молодой и даже красивой, он любил ее молодость, ему достался первый

цветок нетронутого девичьего сердца; любя ее в настоящем, он еще больше любил ее в прошлом. Теперь вычеркнуты из книги жизни эти страницы светлых воспоминаний молодости. Никто больше не полюбит Лидию Фадеевну. Нет того, кто знал ее, когда она еще цвела, как роза, и кто за это знание не был строг к ее быстро поблекнувшей наружности, к ее расплывшимся формам, в которых самый снисходительный судья не отыщет и следа былой прелести...

Чтение дьячка замолкло. Лидия Фадеевна вздрогнула от наступившей тишины. Из залы послышался легкий храп. Лидия Фадеевна, преодолевая смутный ужас, на цыпочках прошла туда. Она увидела, что восковая свеча сильно нагорела и красная светильня распространяет легкий чад. Тень, откидываемая покойником на стену, зыблилась. Казалось, что борода Сергея Ивановича стала еще чернее, он сам побледнел еще больше. Лидия Фадеевна не могла подойти к нему. Ей хотелось разбудить дьячка, но и этого она не решилась сделать. Объятая паническим страхом, она почувствовала, как по спине бежит у ней вол-

на какого-то холодного веяния — словно кто дышит ей на затылок ледяными устами. С крепко забившимся сердцем выбежала она в переднюю, где спала безмятежным сном горничная девчонка. Лидия Фадеевна села на кровать к девочке, и ей стало не так страшно. Мало-помалу она даже совсем успокоилась. Девчонка так крепко спала, что Лидия Фадеевна не пробудила ее, прилегли возле нее. В другое время она ни за что не легла бы на постель горничной, да еще рядом с ней. Но теперь она забыла свою брезгливость. Она лежала и все думала о своем горе и о том, что делать теперь, и как жить без мужа, и как воспитывать детей.

Должно быть, было уже очень поздно. Пели петухи. Лидия Фадеевна внезапно заснула.

Ее пробудило протяжное чтение псалтири. "Кто это читает?" — подумала она с изумлением, но сейчас же все вспомнила. Солнце озаряло своим бледно-золотым светом всю комнату; Лидия Фадеевна вошла к покойнику. Покойник за ночь еще больше изменился. Лицо посинело, руки похолодели и пожелтели.

"Боже мой, если бы скорей кончились эти

тяжелые дни!"

Ваня прибежал от соседки и стал тоже плакать.

— Мамаша, — спросил он, — ведь бывает будущая жизнь?

Мать слегка толкнула его.

— Отстань от меня.

— А когда похоронят папашу, я буду ходить в школу?

— Уйди.

С девяти часов стали приходить и прощаться с покойником служащие в управе, разные уездные чиновники, знакомые Сергея Ивановича, просто любопытные. Некоторые низко кланялись, другие скорбно качали головой, как бы вдруг открывшие, что на земле все брэнной преходяще. Даже исправник, с которым по долгу службы враждовал Сергей Иванович, приехал взглянуть на покойника и поцеловал у него руку.

Вскоре привезен был гроб. При взгляде на этот массивный дубовый ящик, обитый черным сукном и украшенный посеребренными ножками и ручками и позументным крестом, Лидия Фадеевна, которая на время было успо-

коилась, вдруг снова заплакала.

К выносу тела мало-помалу собрался почти весь город в лице своих наиболее богатых и уважаемых представителей. Приехал наконец протоиерей о. Митрофан и, облачась в траурные ризы, стал отпевать покойника.

Все гости не могли поместиться в зале и многие стояли во дворе. Каильный дым плыл над головами. Все молчали, только одна Лидия Фадеевна рыдала навзрыд. Шаповалов, в матерчатой перчатке на левой руке, франтовато крестился правой и по временам перешептывался о чем-то с другим членом управы, пожилым и толстым, человеком.

Когда Сергея Ивановича положили в гроб, Лидия Фадеевна огласила воздух таким пронзительным криком и, следуя ее примеру, так громко закричали дети, что у всех сжалось сердце и у некоторых дам судорожно передернулись губы.

— Мы сами понесем гроб! Господа, земцы должны выносить!

Неуклюже задвигалась вверху темная масса гроба, который громоздили себе на плечи товарищи покойного; голова его качалась на

жесткой подушке. Гроб сейчас же пришлось опустить, чтобы вынести из дверей.

— Полегче, послушайте, легче! Господа ведь так же нельзя!

Толпа с гробом, предшествуемая священником, имевшим убитый, страдальческий вид (о. Митрофан очень хорошо и сердечно служил), вышла на улицу и направилась к церкви. Пели певчие, уныло звонили колокола и заглушали собою плач Лидии Фадеевны.

Дом вдруг опустел. Его сторожили одни только собаки.

Процессия медленно подвигалась на площадь к собору. Провожающие разбились на группы. Все ждали Лидию Фадеевну и удивлялись любви, которую она проявляла к своему мужу, так искренно и горько оплакивая его.

— Сорок лет — помилуйте, какие же это лета. Детей жалко! — говорил седой член управы.

— Знаете что, это так, по человечеству, жалко, — заметил ему Шаповалов. — Но ведь и то надо сказать, что покойник состояньице сколотил кругленькое.

Старик подумал и, раскинув умом, сказал с

завистливым выражением своих выцветших глаз:

— Тысяч на сто.

— Пожалуй.

— Воздержанный был человек Сергей Иванович, — со вздохом произнес старик.

— Можно сказать, каждый кусок сахару считал, — пояснил Шаповалов. — Однако же, я вижу, Кононов устал — надо пойти сменить его!

Шаповалов ускорил шаг, сменил Кононова и, подпирая гроб плечом, стал басыть вместе с певчими:

"Святой боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас!"

Нищие голодной толпой, врассыпную, тянулись за гробом.

Лидия Фадеевна шла за прахом мужа, окруженная детьми. Она была в черном платье, которое сделала себе зимой для визитов, но не успела обновить его из бережливости. Креповая вуаль ниспадала по ее плечам; в руках она держала белый платок, весь мокрый от слез.

Ваня дернул ее за платье.

— Мамаша, мамаша! Отчего это дым?

— Ах, Ваня, молчи!..

— Нет, мама, ты взгляни, вон, направо...

Вон и отец Митрофан туда смотрит... посмотри же, мамаша!

Лидия Фадеевна машинально повернула голову направо. Там зловещим, сизым облаком клубился дым. Кто шел ближе к Лидии Фадеевне, тоже повернул голову к дыму. Пожар был сейчас же за городом, и горело что-то легковоспламеняющееся, судя по дыму. Процессия подвигалась вперед, но головы одна за другой поворотились направо. Все стали смотреть туда. Иные отстали от процессии и бросились на пожар.

— Кто-то сено жжет... Это Хаимовы штуки! — послышался голос в толпе.

По обычаю, существующему на юге России, гроб несли открытым. Когда процессия остановилась по пути возле церкви, а священник стал читать молитву, Лидия Фадеевна взглянула на мужа, и ей показалось, что глаза его раскрыты. Голова его от толчков во время несения гроба повернулась направо. Он точно смотрел на пожар. Тогда Лидия Фа-

деевна вспомнила, что как раз в этой стороне их сено. Этот пожар был точно поруганием памяти покойного. Она крепко сжала руки и скорбно смотрела то на далекий дым, то на Сергея Ивановича.

— Да, да, это горит сено! — стали говорить в толпе вполголоса.

Окончив молитвы, священник повел процессию дальше. От времени до времени он взглядывал на дым, певчие тоже не отрывали глаз от дыма. Может быть, в процессии не было ни одного человека, который бы не смотрел на дым. Все внимание толпы, недавно поглощенное кончиною Сергея Ивановича, теперь исключительно сосредоточивалось на пожаре.

Но вот послышался трезвон соборных колоколов. Гроб внесен был в церковь.

По выходе из собора все невольно, в том числе и Лидия Фадеевна, взглянули в ту сторону, где был пожар. Теперь там едва курился дымок, бледный и почти незаметный. О пожаре стали говорить как о событии дня. Семен приблизился к барыне и объявил, что действительно сторело их сено. Лидия Фадее-

евна выслала Семена, печально кивнув головой. Возвратясь домой и слыша всюду разговоры о пожаре и о его причинах, она должна была сознаться, что ее самое мысль об этом сене заняла и развлекла.

Скорбный образ покойного мужа точно слегка поблек. И, взглянув на синее, раскаленное небо, она с ужасом подумала, что самая память о Сергее Ивановиче может когда-нибудь исчезнуть, как исчез, расплывшись в светлом воздухе, дым пожара.

Статьи и комментарии

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей (Москва).

ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей (Ленинград).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Рукописный отдел (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

Печатные источники

Вокруг Чехова — Чехов М. П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления, изд. 4-е. М., 1964.

Лейкин — Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. Спб., 1907.

ЛН — Чехов. Литературное наследство, т. 68. М., 1960.

Письма Ал. Чехова — Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. Подготовка текста писем к печати, вступит. статья и коммент. И. С. Ежова. М., 1939 (Всес. б-ка им. В. И. Ленина).

Чехов в воспоминаниях — А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1947.

Иероним Иеронимович Ясинский (1850–1931)

Ясинский — один из самых плодовитых авторов в литературе чеховской эпохи. В 70-е годы началось его сотрудничество в газетах в Киеве, с 1878 года он вел научные обзоры в петербургском журнале "Слово". Первые беллетристические произведения Ясинского (под псевдонимом Максим Белинский) публикуются в "Слове", а затем в "Отечественных записках", "Вестнике Европы" и других журналах.

Вначале Ясинского чаще всего привлекали сюжеты, связанные с настроениями и поведением провинциальной интеллигенции в годы, последовавшие за разгромом революционного народничества. Так, в повести "Всхо-

ды" показаны трусость и животные интересы обывательской массы, обилие в среде провинциальной молодежи "негероев", трусливо отшатнувшихся от "дела" или вовсе не думавших о служении народу (Пьер, Фаничка, бывшие знакомые Лизы). В изображении этих персонажей, обывательской среды Ясинский проявляет наблюдательность, точность и трезвость, временами он саркастичен. Положительные герои писателя — Лиза, Мэри — гораздо менее убедительны.

Ясинский, в молодости близко связанный с народническими организациями, с презрением изображал своего основного героя, легко изменяющего былым идейным увлечениям, озабоченного самосохранением, сдающего окружающей обывательщине. Получались своего рода иллюстрации к тем оценкам "простеца", человека "улицы", которые давал Салтыков-Щедрин в своих произведениях 80-х годов.

Первые произведения Ясинского приветствовали Салтыков-Щедрин и Гончаров. После появления повести "Всходы" (1882) И. А. Гончаров сказал ему: "Так вот, значит, моло-

дое поколение появилось, наконец, нам на смену ... Я давно не читал ничего такого яркого..." (Роман моей жизни, с. 144). Позднее Ясинский вспоминал об этом периоде своего творчества: "Салтыковым была напечатана в 1883 году моя повесть "Болотный цветок", и должна была появиться "Спящая красавица". Этой последней вещи Салтыков прислал прямо "похвальный лист". Скромность — скромностью, а все же приятно похвастать, что в то время Максим Белинский, — несомненно, главным образом благодаря распространенности и авторитетности "Отечественных записок", — что называется, "гремел"..." (там же, с. 167). По свидетельству современницы, живописную фигуру Ясинского изобразил В. Маковский на картине "Вечеринка", посвященной сходке демократически настроенной молодежи (Алтаев. А. Памятные встречи. М., 1957, с. 281).

После закрытия "Отечественных записок" и окончательного воцарения реакции, в литературно-общественной позиции Ясинского происходит резкий поворот. В своих статьях он выступает против служения литературы

"утилитарным" целям, против "позитивизма" и точных наук, в защиту чистого искусства. В чем-то сходный поворот проделали в эти годы Д. Мережковский, Н. Минский и другие литераторы, пришедшие от демократических мотивов в своих стихах к декадентским манифестам. Но именно Ясинский стал в глазах читателей и критики примером беспринципного писателя, изменившего прежним убеждениям.

Свою "эпикурейско-эстетическую теорию" Ясинский обосновывал в основном, в статьях, опубликованных в "Киевском вестнике". В беллетристике же он остается в пределах бытописательства, уделяя особое внимание форме своих рассказов и повестей. В таких произведениях, как "Пожар", Ясинский подхватывает некоторые особенности чеховской беллетристической манеры.

Ясинский даже в пору неприятия обывательского быта не имел и не предлагал ничего взамен. Появившаяся же в 90-е годы его книга "Этика обыденной жизни" — уже откровенная апология буржуазного быта. В "Этике обыденной жизни" круг обсуждаемых

автором понятий ("правда", "свобода", "независимость", "бес пошлости", "средний человек", "мелочи быта" и "поэтический элемент в жизни", неприятие "ни консерваторов, ни либералов" и т. д.) — как будто чеховский. Но все содержание книги Ясинского, с проповедью умеренности и "благоразумного ограничения потребностей", с утверждением, что существующие формы человеческих отношений нужно не уничтожать, а укреплять, облагораживать, — насквозь буржуазно и полно духа сытого благополучия, всегда враждебно Чехову. Это еще один пример писательской беспринципности Ясинского, небесталанного писателя, переимчивого и чуткого к форме и... согласного проповедовать взаимоисключающие идеи, лишь бы манера их изложения была современна.

"Литературное вольтижерство" Ясинского вошло у современников чуть ли не в поговорку. Вот почему Чехов, давший положительную оценку рассказу Ясинского "Пожар", считает нужным резко отмежеваться от него. Прочитав в журнале "Русская мысль" замечание, ставившее его на одну доску с Ясинским:

"Еще вчера даже жрецы беспринципного писания, как г. г. Ясинский и Чехов...", Чехов в письме к редактору журнала Лаврову говорил об этом как о крайнем оскорблении, ему нанесенном: "Беспринципным писателем или, что одно и то же, прохвостом я никогда не был" (П 4, 56).

Личное знакомство Чехова с Ясинским произошло в январе 1892 года. Впоследствии они обменивались книгами, участвовали в совместных "обедах беллетристов", изредка переписывались, отдельные произведения Ясинского Чехов называл "интересными", "милыми". В журнал "Всемирная иллюстрация", редактируемый Ясинским, Чехов по просьбе последнего дал рассказ "В ссылке".

Однако Ясинский оказался одним из "литературных Яго", которые способствовали, а затем злобно радовались неудаче чеховской "Чайки" в Александринском театре. "Это не чайка, просто дичь..." — писал Ясинский на следующий день после премьеры ("Биржевые ведомости", 1896, № 288, 18 октября). Чехов писал спустя два месяца: "17-го октября не имела успеха не пьеса, а моя личность [1] те, с

кем я до 17-го окт. дружески и приятельски откровенничал, беспечно обедал, за кого ломал копья (как, например, Ясинский) — все эти имели странное выражение, ужасно странное..." (П 6, 251) На этом всякие отношения Чехова с Ясинским закончились.

Сочинения

На чистоту. — "Слово", 1880, № 1. Наташка. — "Отечественные записки", 1881, № 10.

Бунт Ивана Ивановича. — "Вестник Европы", 1882, № 2, 3.

Спящая красавица. — "Отечественные записки", 1884, № 3.

Полное собрание повестей и рассказов И. Ясинского (Максима Белинского) в 4-х томах. Спб., 1888.

Собрание романов в 3-х томах. Спб., 1888–1889.

Иринарх Плутархов. Роман. Спб., 1890.

Этика обыденной жизни. Спб., 1898; 5-е изд. — Спб., 1900

Литературные воспоминания (1878–1882). — "Исторический вестник", 1898, № 1, 2.

Воскреснувшие сны. Стихотворения. Пг.,

1920, 1921.

Энгельс Ф. Вечер. Поэма. Пер. И. Ясинского. М.-Пг., 1923.

Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М.-Л., 1926.

Литература

М. Пр. [2] Пустоцвет. Полное собрание повестей и рассказов И. Ясинского (Максима Белинского). — "Северный вестник", 1888, № 9.

Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848–1890). Спб., 1891 (глава "Беллетристы 80-х годов").

С. В. [3] Ясинский. — Энциклопедический словарь Брокгауза — Эфрона, полутом 82.

Новополин Г. [4]. В сумерках литературы и жизни. Спб., 1902 2-е изд. — 1913.

Горький А. М. Письма Ясинскому и о Ясинском. — В кн.: Горький А. М. Собр. соч. и писем в 30-ти томах, т. 29. М., 1954.

Громов Л. П. Чехов и "артель" восьмидесятников. — В кн.: Литературный музей А. П. Чехова. Таганрог. Сборник статей и материалов, вып. 1. Ростов н/Д, 1959, с. 144–150.

ПОЖАР

(Очерк)

Впервые — "Новое время", 1888, № 4279, 4282; подпись: И. Ясинский. Печатается по тексту газеты.

Появление очерка "Пожар" на страницах "Нового времени", которое до этого не раз нападало на Ясинского в "Критических очерках" Буренина, стало в глазах современников примером литературной беспринципности. Чехов писал Леонтьеву (Щеглову): "Появление г. Ясинского в "Новом времени" — это большое литературное свинство. Он плюнул себе в лицо. Но его "Пожар" превосходная вещица" (П 2, 189).

Примечания

1

...

[^^^]

Протопопов М. А.

[^^^]

Венгеров С. А.

[^^^]

Нейфельдт Г. С

[^^^]